

Глава 18: Обещание

'Кто победил? Кто следующий? Вы решаете!'

--Эпические рэп-битвы за всю историю (<https://www.youtube.com/watch?v=ouOсpeIpD84>)

Глава восемнадцатая - Обещание

Хуан Мин почувствовал, что привлек внимание зала, и теперь все были в его власти. Он решил действовать быстро; дальнейшее промедление вызвало бы только больше вопросов дам Цао и саркастические замечания тех, кто враждебен ему, таких как Нангонг Се.

- Я всего лишь эгоистичный человек, и поэтому мои слова эгоистичны по своей природе. По сравнению с моим братом я ничто. У меня нет его темперамента или мудрости. Вы сможете легко увидеть разницу, прочитав то, что он написал, - сказал Хуан Мин.

Хуан Мин заговорщически подтолкнул своего старшего брата ногой под стол. Хуан Ланг встал, но повернулся, чтобы стряхнуть с плеч Хуан Мина мнимую пыль. Для наблюдателей это выглядело как проявление братской любви, когда старший отказывался от текущих дел чтобы позаботиться о своем дерзком младшем брате.

Однако Хуан Ланг сделал это только для того, чтобы его лицо было скрыто от дам Цао. Он улыбнулся со стиснутыми зубами.

- Ты, маленький панк, как я могу превзойти то, что ты только что сделал? - прошипел он, похлопав Хуан Мина по плечу и незначительно поправил в его одежду.

- Тут все не только о том, что ты написал; презентация тоже важна. Будь смелым, как никогда прежде! - прошептал Хуан Мин.

Хуан Ланг кивнул, и когда он повернулся к дамам Цао, его лицо было спокойным и решительным. Он поклонился им и сказал:

- Хуан Ланг извиняется за опрометчивую просьбу своего брата.

Цао Тяньюнь моргнула, словно сбилась с толку. Она взяла бумагу написанную Хуан Лангом, и медленно прочитала:

"Быть добродетельным человеком,

Это знак величия.

Иметь добродетельную жену,

Значит жить сладкой жизнью.

Я обещаю неизменную любовь,

засвидетельствованную небесами свыше,

Я буду чтить мою спутницу всю жизнь,

Вечно я буду ее защитником.

Ее близких я буду лелеять,

Она никогда не будет мучиться.

Я мужчина не без вины,

Но клянусь, ни одна женщина не будет ей равной,

Для нее я не остановлюсь,

За нее я поборю все зло".

К зависти присутствующих молодых людей, Цао Тяньюнь фактически покраснела, читая композицию Хуан Ланга. Мужчины были не себе, когда эта желанная ими и умная девушка покраснела. Она не отводила прослезившихся глаз от листа бумаги, в то время как автор, о котором идет речь, стоял и ждал. Матроны Цао посмотрели на нее и улыбнулись, обмениваясь понимающими взглядами.

Два брата теперь стояли вместе. Хуан Мин сопротивлялся искушению отвернуться и с силой отбросил саркастические издевки на тему сладких речей.

'Мой брат такой романтик', - подумал Хуан Мин. Он находился достаточно близко, чтобы видеть, что уши Хуан Ланга горели красным, и, вероятно, тому потребовалась вся его воля,

чтобы стоять там, не дрожа. Он не мог вспомнить, чтобы его брат когда-либо был так откровенен в своих чувствах.

Слова Хуан Ланга были очень смелыми для общества этого мира. Это было почти любовное письмо, сродни кому-то на публике. Если бы кто-то другой написал это, на них бы смотрели с высоко как на легкомысленных или интриганов. Но так как это было дело рук Небесного Килина, который славился своей спокойной и уравновешенной природой, он казался восхитительным и чистым. Посмотрите на него, стоящего там так величественно, с руками за спиной, его лицо безмятежное, а глаза чистые, такие прямые и бесстыдные!

Судя по вздохам и тоскующим взглядам горничных и служанок из дома Цао, казалось, что женщины этой эпохи не были защищены от таких прямых заявлений. Хуан Мин задавался вопросом, будут ли они спонтанно воспламеняться, если он начнет писать лирику песен о любви с Земли.

Предыдущие ухажеры уже пытались апеллировать к дамам Цао, делая напыщенные заявления о своих мечтах или хвалив достоинства Цао Тяньюнь. Короче говоря, это было либо восхваление себя, либо дамы под вопросом, и было ни чем иным как слова о простых мужчинах и женщинах. Но никто из них не говорил о том, что они будут делать вместе, когда станут мужем и женой.

Ранее Хуан Мин затронул идеалы Цао Тяньюнь. Теперь Хуан Ланг играл с ее чувствами. Один был как хороший друг, но другой мог бы стать отличным мужем. Это было комбо с двумя ударами, и оно работало, чтобы вывести дам Цао из равновесия.

- Это не поэзия, - внезапно сказал Хуан Ланг.

- О? - спросила леди Цао, несколько восстанавливая свою внушительную ауру.

- Это моя брачная клятва, - сказал Хуан Ланг.

Воцарилась ошеломляющая тишина.

Под удивленным взглядом всего зала Хуан Ланг медленно продвинулся вперед и встал перед тремя дамами Цао.

Он глубоко поклонился им и торжественно сказал:

- Хуанг Ланг, сын генерала Хуан Чжэна, просит руку вашей добродетельной дочери Цао Тяньюнь.

Некоторые из служанок дома Цао упали в обморок, в то время как у других были ошарашенные глаза; они никогда не видели такого драматического эпизода. Обычно такие

вещи делались с помощью сватов, чтобы можно было сохранить некоторую репутацию в случае отказа. Такое прямое предложение было почти неслыханным.

Остальные молодые люди в зале могли только наблюдать со смесью восхищения и предвкушения. Даже Цао Шуан был ошеломлен; он стоял в шоке, его внимание переключалось между его сестрой и Хуанг Лангом.

- Вы говорите, что будете лелеять ее близких, включая ее отца Цао Юаня и ее брата Цао Шуана? - серьезно спросила Матриарх Цао.

- Когда мы поженимся, наши семьи будут едины, - ответил Хуан Ланг.

- Что вы подразумеваете под неизменной любовью? - спросила леди Цао.

- Она будет моей единственной женой, я не буду брать любовниц или любовников, - сразу ответил Хуан Ланг.

- Хорошо, хорошо! - воскликнула Матриарх Цао.

Цао Тяньюнь покраснела еще более глубоким оттенком темно-красного цвета, когда матроны согласно закивали. Хуан Мин удивленно моргнул, увидев, что они улыбались довольным образом. Вспышки последних слов и поведения его брата пронеслись в его голове, и он начал чувствовать запах подставы.

Все в зале уже знали, что матроны Цао одобрили Хуан Ланга. Оставалось только согласие Цао Тяньюнь, но одного взгляда на застенчивость молодой женщины было достаточно, чтобы заставить сомневающихся замолчать.

С другой стороны, Цао Шуан не был полностью убежден. Многие стремились получить легендарную удачу иметь "трех жен и четырех наложниц". Цао Шуан не считал себя особенно неразборчивым человеком, но он также не видел причин ограничивать себя только одной женой. Это было право человека иметь много любви, если он способен на это. Это был способ мышления, разделяемый многими людьми той эпохи.

- Мне трудно тебе верить, - сказал Цао Шуан.

- У твоего отца одна жена; У моего отца тоже одна жена. В обоих наших домах нет наложниц. Почему тебе трудно поверить мне? - улыбнулся Хуан Ланг.

Цао Шуан был озадачен. Затем он указал на Хуан Мина и сказал:

- Твой брат совсем не образец добродетели!

Хуан Ланг засмеялся.

- Мы два разных человека, вы уже должны это знать. Его песня до этого уже продемонстрировала, как по-разному мы, братья, видим мир.

- Я никогда не говорил, что являюсь образцом добродетели, - пробормотал Хуан Мин.

- Но между нашими домами существует вражда! - возразил Цао Шуан.

- Таким образом, вполне уместно, что мы должны дружно покончить с нашей враждой с помощью брака, - мягко сказал Хуан Ланг.

- Вы думаете, что это так легко решить с помощью простых обещаний? - недоверчиво спросил Цао Шуан.

Хуан Ланг развел руки в стороны и указал на остальную часть зала.

- Перед столь многими уважаемыми свидетелями, как я мог отказаться от своих слов?

Хуан Мин снова удивился своему старшему брату. Недавно его обвинили в том, что у него был бойкий язык, но теперь Хуан Ланг доказывал, что он тоже был не менее красноречивым и убедительным.

- Ах, Шуан, достаточно, - строго сказала леди Цао. - С каких это пор ты можешь высказаться о браке твоей сестры? Ты забыл, что твой отец обещал ей самой выбрать своего мужа?

Цао Шуан был в замешательстве. Он срочно пытался найти человека, которому мог бы довериться, чтобы позвать своего отца, но его слугу Ван Хао нигде не было видно. Другие слуги в зале были на прямую в ответе перед дамами Цао, и у Цао Шуана было мало шансов что либо приказать им. Кроме того, все они были в полном смятении от публичного заявления Хуан Ланга.

И в тот момент когда он уже впал в глубины отчаяния, главные двери зала открылись. Все повернулись, чтобы посмотреть в ту сторону. Пришел Ван Хао, ведущий достойного человека.

Может ли ситуация ухудшиться,

Кем был этот человек?

<http://tl.rulate.ru/book/6405/444480>